

рано прикалывает Вальвера. Не знаю, когда говорили, что без шага [можно сыграть спектакль]. Поэтому “Ну, дай обниму тебя” – почему нет в этом во всем, то есть оправдать можно. не просто привыкла к витийству, а обобщить – красивый, мол, парень нашелся и облечь это в форму, вот как я на это реагирую. Ведь она уходит вообще. Важно, есть ли это на основном пути, на основной линии... Еще я соображаю... все эти перемены.

ЩЕРБАКОВ Б.В. Что Кристиан? Я еще не врубился.

ЕФРЕМОВ О.Н. Врубайся. Где-то прячется, не обязательно за ширмой (в картине “В доме у Роксаны”). Я думаю, что тут совершенно разные сцены. Он действительно не боится, можете допустить, действительно влюблен, а что слов не знает, так – солдат, не кончал филологического. “Аппас”. Завтра прочитаем и подумаем. Завтра встретимся и прочтем финал. Сейчас уже ясно многое, какой отдачи и темперамента требует наше присутствие. Темперамент – он всегда обнажен. Так это или не так, в смысле действенной линии. И поэтому везде надо это посмотреть, проверить. Помазать ничего не хотите?

ГВОЗДИЦКИЙ В. В. В рабочем порядке. ЕФРЕМОВ О.Н. Половину пьесы помайрай. Нет, везде что-то происходит, и это самое главное. Другое дело, что это должно простекать очень искренне. Какие неясности? Как себе намечаете?

ЛЮБИШИН С. А. Де Гиш сложный, в душе – Сальери, он понимает, что это гениальный поэт, а он сам – любитель. С одной стороны, хочет идеологически привлечь, но ревнует, потому что сам – любитель.

ЩЕРБАКОВ Б.В. Слав, сейчас о содержании говорим.

ЛЮБИШИН С. А. Других ролей. ЕФРЕМОВ О.Н. Начнут петь (монашки), когда он (Сирано) начнет последний свой монолог в финале. И когда Сирано исчезает, они (монашки) по дорожкам выйдут вперед. Чтобы они взяли на себя внимание, и все развернулось, и опять кухня, и он прочтет свои стихи. Для этого и взял Айхенвальда, но пока нет... Завтра дойдем до конца и сообразим, какие у вас вопросы. Я говорю об общем подходе. Играть-то всем, и я думаю, что вам виднее. И хотелось бы, чтобы он был остр и по взаимодействию со зрительным залом.

4 декабря 1999 г. 12.00. Кабинет О.Н. Ефремова

Ефремов О.Н., Любшин С.А., Щербаков Б.В., Апатьева Н.А. (стажер), Гвоздицкий В.В., Скорик Н.Л., Медведева П.В., Хомутовский А.Н.

ЕФРЕМОВ О.Н. Сейчас читаем вторую половину “Монастырь”. Здесь Александр Николаевич?

ЛЮБИШИН С.А. Здесь. Надо позвать. ЕФРЕМОВ О.Н. (Хомутовскому). Александр Николаевич, мы сейчас прочтем второй акт и тогда поговорим, вспомним. Начинается с гвардейцев. Почитайте за всех, кроме присутствующих. (Читают с картины “Аппас”.) Это может быть песней (текст Сирано о флейте).

СКОРИК Н.Л. Может, баллада. ЕФРЕМОВ О.Н. В смысле содержания. ГВОЗДИЦКИЙ В. В. Не отдельная песня. И звук душевный какой-то.

ЕФРЕМОВ О.Н. Можно спеть этот текст? СКОРИК Н.Л. Можно.

ЕФРЕМОВ О.Н. Я менее всего сведущ в этом. Мне последнее время не нравится все, что поется.

ЩЕРБАКОВ Б.В. Поется и танцуются? ЕФРЕМОВ О. Н. Танцуются порой ничего. ЩЕРБАКОВ Б.В. И поется. Смотря как спеть.

ЕФРЕМОВ О.Н. Давайте дальше. (Читают.) Здесь (“Теперь я лишь тебе принадлежу”) они (гасконцы) хватают все и уходят, чтобы они (Кристиан и Роксана) остались вдвоем. (Читают.) И переходим мы в “Монастырь”.

ЛЮБИШИН С. А. “14 лет спустя”. (Читают.) ЕФРЕМОВ О.Н. Смысловое все понятно? ГВОЗДИЦКИЙ В.В. Внутри возникают какие-то вещи. То, что вы вчера прочитали про автора, про жизнь, про смерть. Здесь ощущение жизни. И с Роксаной диалог неясный. Чеховские мысли о жизни – Тузенбах с Ириной.

ЕФРЕМОВ О.Н. Так оно и есть. Он (Сирано) и про любовь говорит, когда она (Роксана) на балконе. Самое интересное, занятное, как Пастернак говорит, что нам надо изучать и понимать, как в актере искусство возникает, о свойствах страсти, о свойствах эмоциональной партитуры, переведенной в процесс существования, действия. Но вне этого это невысказано. Тут же все время необычные дела, если брать сюжет хотя бы. Вдруг приехала с провизией на фронт (Роксана). Понимаю, когда посмотрим героическую трагедию Ростана, то

играть, как для шестиклассников. Или ставим в подобные обстоятельства Ростана, понимаем, как возникают эти обстоятельства, как они проверяются. В идеальном смысле, может быть, не словами, а как же надо жить, и что такое жизнь? Вот она нам отпущена. Вот она есть. Ну все, действительно, какая перестройка в Роксане происходит, какая перестройка происходит в Кристиане. Я все себе задаю вопрос: как же было бы – чтобы живой театр и актерское искусство, не то, о котором я вам рассказывал в спорах с Лихачевым. Он – петербуржец. Хотя и прислал к 100-летию театра телеграмму, но для него искусство переживания... искусство есть искусство. Мы ездили в Вашингтон вместе с Горбачевым, и Соткилава пел и увлекся, и хотел, чтобы зал ему подпевал. И Лихачев говорит: “Это что, искусство?”

МЕДВЕДЕВА П.В. Он не принимал сопереживания.

ЕФРЕМОВ О.Н. Чтобы он эстетически. МЕДВЕДЕВА П.В. То есть он не сопереживал.

ГВОЗДИЦКИЙ В.В. Поэт, зал вместе с ним, разве это не искусство?

ЕФРЕМОВ О.Н. Искусство представления, искусство сопереживания – все сейчас перемешалось. Все ищет нового молодежь. Но если нет постижения у актера той или иной черты человека... Этого сейчас очень мало. Много внешнего. В Париже спросил: “Как у вас театр?” – “Двести театров, все интересно”. Другого спросишь. – “Вообще нет, все баракло, ужас”. Ну, они имеют право. У них демократия.

ЛЮБИШИН С.А. На телевидении передачи – как кривляются, как пошло. Пять или шесть передач. Ну, они все то шутят, то политиков изображают. И получается эталон – вот как надо играть.

ЕФРЕМОВ О.Н. В этой работе хочется постигнуть момент... Вот Станиславский... хихикают про четвертую стену, и настолько вылезли в зрительный зал, что Константин Сергеевич: вот вам стена, зрителей нет. А потом у него же в “Ревизоре” Москвин выходил вперед, зажигал свет, и он говорил залу: “Над кем смеетесь?” Потом свет гас. Я хочу сказать, что да, поэт, мне кажется, у него не так много по поводу самого сильного, что есть в нашем театре, самого трагичного, все ушло, не записано, не сфотографировано, но при этом такое искусство более мощное, благодаря взаимодействию со зрительным залом. Живое искусство, и мне хотелось бы, чтобы мы сами обнаружили это в себе. Эта самая мощь в нас, в смысле актерского искусства, перед фиксированными искусствами. Поэтому и будут ходить в театр, так как будут участниками этого. Как бы нам лучше понять, как это делается. У каждого есть свой опыт общения с залом. У меня это сближение с Детского театра. Там же разные возрастные разряды. Там я понял, что подлинное возникновение эмоции воздействует на зал. Но не должно быть связано со своим собственным раздражением. Это касается искусства актера – что же это такое? Я выходил, ну, мальчишки до третьего класса “горшечники”. Играешь Ивана-дурака в “Коньке-Горбунке”. Он загорает, а коней крадут, и зал, который больше, чем наш, шепчут: “Ваня...” – весь зал – “Ваня, атас”. Они – участники всего этого происходящего. Кричать нельзя. Они это ощущают.

СКОРИК Н.Л. А сейчас?

ЛЮБИШИН С.А. Женечка Добровольская привела сына за кулисы во время “Мишина юбилея”. В антракте он меня догоняет и говорит: “Дядя, они сказали, что вы умерли, а вы нет”. Я говорю: “Ошиблись”.

ЕФРЕМОВ О.Н. С 6-го класса играл я “Два капитана”, в зале свистки, ор. И как начать. И такое нарастает, не дай Бог, автомат сейчас дадут, начну косить. И от этой ярости они начинают смолкать. Или вот “Дубровский”. Я играл крестьянина. Колесаев В.С. ставил. Я не приклеил ни усы, ни бороду. Он спросил, почему. Я сказал: “Все такие. Можно будет одно молодое лицо”. Ладно. Спектакль длинный. А крестьянин в начале, в конце и в середине [появляется] немножко. Стряпчие, которые выгоняют крестьян, сидят в одной гримборной, мы в другой. Как на сцене биться? Можно шумить делать. Ну, как-то развлекали себя. И в финале шли с рогатинами и вилами на зрительный зал. И все разбегались. И Колесаев говорил: “Как вы можете, вы должны кланяться в финале”. Саша Михайлов и Шефер Неля (Маша). Все разбежались, и они идут, я их беру за руки и иду кланяться. Колесаев:

“Вы что такое?” – “Вы ж сказали, надо кланяться в конце”. Жуткие современные пьесы играли, где школьников играть приходилось. В классе играли – идет спор, и мой оппонент: “Дураки все”. И в ответ мой монолог, который я забываю. И сидим друг против друга. Он: “Ты что?” Я: “А ты что?” Так мы почтительно, пока другие не начали. Знакомые смотрели, говорят: “Пьеса слабая, но одно ме-

сто было очень сильное”. Потому что мы волновались, потому что были наполнены. И здесь нам все время придется думать об этом.

СКОРИК Н.Л. Я послушал, замечательная пьеса и перевод. Не испортим ли мы ее музыкой? Стихи настолько полны музыкой!

ЕФРЕМОВ О.Н. Нет. Первое “Солнце в крови” – и танец, и песня. Потом де Гиш прорывается, а они танцуют с девочками – гасконцы. Флейта и финал для монашек. Это не иллюстрация, это...

СКОРИК Н.Л. Ткань.

ЕФРЕМОВ О.Н. Да. Как нам работать, чтобы было органично, не то, чтобы мы выдумывали. Поэтому надо смело идти по сюжету. Но я вам сразу скажу, что же должно происходить в тебе, и как вы будете это искать, чтобы я мог поверить, что это возможно. Ну не я, а то я уже в детство впадаю. У нас около выхода в зрительскую часть была курилка, где сидели актеры. Во время антракта сижу, и парень, обнаруживший этот вход, открывал и орал, и скрывался. И так меня достал, что я выскочил, он рванул в буфет, я за ним в парике и лаптях. Но я его поймал, схватил, принес, он заплакал.

СКОРИК К.Л. Бедный мальчик.

ЕФРЕМОВ О.Н. Сволочь – бедный мальчик... убивать надо с самого начала. Особенно выдумывать мизансцены не надо. Я договорился с Охлобыстиным, чтобы он написал верный и последний тексты (пролог и эпилог). И чтобы мы сами ошутили необходимою этих сцен. Тогда понятно, ради чего это играется. А то несерьезно в наше время вроде. Ну да, красивые слова. Ну, сейчас же много “мордоворот”, я на тусовки не ходил, но вроде в галстуках новые русские. Ему можно сказать: “Вы не знаете слова “дурень”, потому что не знает этих букв. И в зале такие будут сидеть. Они соображают насчет бизнеса. Меня потрясла однажды информационная передача, ведет пудель такой, лохматый. Я его так назвал. Он однажды затынул к себе академика Раушенбаха.

ХОМУТОВСКИЙ А.Н. Математик.

ЕФРЕМОВ О.Н. И тот его спрашивает про душу. “Душа не вещество”. Я сам видел фотографию.

ЩЕРБАКОВ Б.В. По-моему, это шарлатанство. Лежит тело, и вертикально полупрозрачный уходит вверх человеческий контур. И подпись “Уникальная фотография”. Фотоснимки больше фиксируют, как наш взгляд.

ЕФРЕМОВ О.Н. Раушенбах всерьез сказал про фотографию души. Я к чему. Не к мистике. Но здесь все должно поражать. Так написано, вроде понятно, но как рождается в человеке?

ГВОЗДИЦКИЙ В.В. Эта история для них, она очень естественная. Она должна поражать именно тем, что она естественна. Они живут этим, не удивляясь своим поступкам.

ЕФРЕМОВ О.Н. Мы иногда за кадром. Почему-то у всех роль получается великолепно дома, а не в театре. Нет препон.

ГВОЗДИЦКИЙ В.В. Воображаемое работает. Ну, когда совесть мучает, не успел сказать хорошее человеку. Вот Женя Дворжецкий. Уже не скажешь. И я говорю себе, что мог бы сказать, что хотел бы сказать.

ЕФРЕМОВ О.Н. И история с Сирано начинается с того, к чему наше воображение нас может подтолкнуть.

ГВОЗДИЦКИЙ В.В. Может быть, начало – разговор, встречи – такие, какими они должны быть.

ЕФРЕМОВ О.Н. Но если бы прошел мимо Вальвера, надо, по идее, на дуэль вызвать. Ты так живешь. А почему ты (в прологе) кидаешься к Сирано, чтобы прожить его жизнью.

ГВОЗДИЦКИЙ В.В. Потому что живу по-другому, и вокруг все по-другому. Но в воображении это же существует. Трудно найти способ выражения искренности.

ЕФРЕМОВ О.Н. Он (Сирано) – заостренный. Не знаю, что ему сказал, говорю я через полчаса после того, как он ушел.

ГВОЗДИЦКИЙ В.В. Но ведь это же есть в человеке. И еще. Он (Сирано) придумывает Кристиана, и тут такое, что Кристиана он придумывает для нее (Роксаны). Что же это – из этого мира воображения? А в жизни смог ли бы я переступить через такое, смог бы я сделать? А у него такое отношение к людям, он не негативно к людям относится. Ростан даже де Гиша не делает отрицательным.

ЕФРЕМОВ О.Н. Мы оставляем самое острое по сюжету. Де Гиш вообще плюнул на все, когда [пошел] к ней в дом. Это при том, что у него жена, он все равно прорывается. Мы должны хорошо это понять и обговорить.

ЩЕРБАКОВ Б.В. А вот как играть придуманного человека? Кристиан – придуманный.

ГВОЗДИЦКИЙ В.В. Мы все придуманные. ЩЕРБАКОВ Б.В. Тоска по временам, когда можно было вызвать на дуэль, а сейчас не знаешь, как отомстить. Поэтому и придумывают, что этим временем ты задавлен. А как играть придуманного?

ГВОЗДИЦКИЙ В.В. Тут нужна очень

большая искренность, простота и конкретность.

ЕФРЕМОВ О.Н. А я говорю: степень страсти. “Дедовщина”, видали по телевидению, их осудили после того, как показывали. Мы-то видим новичка, и его сразу начинают [обрабатывать].

ХОМУТОВСКИЙ А.Н. Но здесь о чести и достоинстве. Они дворяне.

ЕФРЕМОВ О.Н. Неважно. Как происходит? И как говорят: “Молчите, а то вас убьют”.

ЩЕРБАКОВ Б.В. Кристиан искренне начинает задирается в первой сцене.

ЕФРЕМОВ О.Н. Абсолютно. Они его достали.

ЩЕРБАКОВ Б.В. Без задней мысли? Мне сказали: “Молчи о носе”. А я – как же не говорить.

ЕФРЕМОВ О.Н. Ему же сказали. А плевал я. Я не хуже вас. И в этом есть его черты.

ГВОЗДИЦКИЙ В.В. И вы еще говорите, косвенное общение с залом.

ЕФРЕМОВ О.Н. Это Константин Сергеевич говорил в разделе “Общение”.

ГВОЗДИЦКИЙ В.В. Может, я не так понимаю, косвенное – это самое сильное, это то, что от меня ждут, и беру их не глазом, а тем, что происходит.

ЕФРЕМОВ О.Н. Мало этого. Надо все время знать, что ты ощущаешь и что делаешь, а так как подчас мы не воспринимаем, что делаем, то получается только внешне. Да вот, например. Действительно, ему (Кристиану) говорят: “Не говори об этом”. И Кристиан реагирует: специально я (Кристиан) задеваю (Сирано), “попробуй меня тронь”.

ЩЕРБАКОВ Б.В. Я об этом и говорю.

ХОМУТОВСКИЙ А.Н. Его провоцируют, а потом Сирано проверяет.

ГВОЗДИЦКИЙ В.В. И восхищается всем, смелый человек, парирует все.

ЕФРЕМОВ О.Н. Он (Кристиан) – солдат, нормальный, а не херувимчик. У нас есть такие: афганец Громов. Поэтому что значит – он тебя придумал?

ХОМУТОВСКИЙ А.Н. Вот оценка Сирано Кристиана. (Читают.)

ЛЮБИШИН С.А. Отар Иоселиани в Липецке, там театр Сатиры на гастролях. Высоковский с девушкой, Иоселиани к девушке, тот его просил. Иоселиани перевернул стол и ушел. Что делать? И в следующей встрече Отар обнял его и извинился.

ЕФРЕМОВ О.Н. Твой рассказ ясный такой и простой. Был такой человек и художник Ваяна Дорер. Хромал, нога сухая. В Одессе компания. Подошел Дорер с женой, еще несколько человек. Сидим выпиваем, и Поженин к жене Дорера [клеится начал], и тот стал отпущать реплики. Он решил, что раз с ногой, то фронтовик. Но от этих оскорблений завелся, хватается меня, вытаскивает на улицу, в такси, и мы едем к морю, вытаскивает – и к мемориальной доске первых, кто вступил в Одессу. И там Григорий Поженин... И тут он был удовлетворен. “Меня так унизили”, – ему важно, чтобы я увидел это. Или сидели в Доме композиторов. Мишка Козаков увел девушку Евтушенко. Сразу стал читать свои стихи. А Поженин вообще личность. Постарел здорово. А вот 48-й год – он учился в Литературном институте, как раз были космополитов. А он был секретарь парторганизации в институте. Ругался с ректором по поводу антисемитизма, гонений – 48-й год – скобки открывать. Допустим, Шатров. А раскрыли – Маршак. Нечего прятаться за русские фамилии. Еврейский театр закрывают, Зускина расстреляли. Михоэля убили. Гришка (Поженин) ругался на эту тему с ректором. И тот заорал, чтобы ноги вашей здесь не было. Гришка встал на руки и продолжал, и так же вышел потом. А Солоухин как раз был...

ЛЮБИШИН С.А. На той стороне.

ЕФРЕМОВ О.Н. И шли мы с Гришей, а на встречу Солоухин около Маяковки на колени перед Гришей: “Прости меня”. Тот обошел его и пошел дальше. Хотя прошло много лет.

ЛЮБИШИН С.А. Я видел его летом на презентации книги. Такой же задиристый, выпивает здорово.

ЕФРЕМОВ О.Н. Я вам все рассказываю – бывает в жизни такое, значит. Вот в студиях, школах говорят: вы должны видеть. Видение возникает, когда надо действовать, уговорить. Тут очень много всего. Что же это такое в наше безумное время оценить... не за красоту же стиха, не только за это любить. Тогда маловато.

● О.Н.Ефремов на репетиции спектакля “Сирано де Бержерак” Фото И.Александрова